

ВАРШАВСКИЕ ПЕРЕКРЕСТКИ

ТЕНЬ НА ПЕРЕКРЕСТКЕ

Рондо Вашингтона...
Когда я впервые услышал эти слова, я подумал, что это название танца, старинного, медлительного, церемонного танца вроде менуэта или полонеза.

Но вот я стою на Рондо Вашингтона. Автомобили мчатся по нему сияющей лакированной каруселью и разлетаются по прямым в четыре стороны.

Я опираюсь о стену дома и смотрю на Рондо Вашингтона, смотрю, не отрываясь.

Быть может, ни один город в мире не вызывает столько воспоминаний, как Варшава.

Да, этот город, весь выстроенный заново, перенесен тенями прошлого.

Тени бродят меж этих новых с иголки домов, тени хватают за руку, тени шепчут: «Ты помнишь?.. Ты помнишь?..».

И здесь, на Рондо Вашингтона, тоже мелькнула тень, где она?

Он сильно изменился с тех пор, этот перекресток.

Я перехожу на другую сторону, я всматриваюсь, я хочу среди этой новизны воскресить в памяти ломаные, обрывистые черты сорок четвертого года.

Где же тогда стоял тот человек? Где он стоял в своей драной синей рубашке, с изможденным лицом?

По-моему, там, возле регулировщика, где сейчас аккуратные желтые стрелы указывают автомобилям направление в разные концы страны.

Я иду туда. Но свисток регулировщика останавливает меня.

Он делает мне знак, чтобы я подождал его. Понятно: он должен оштрафовать меня.

Жду.

Прохожие удивленно косятся на меня: почему я не скрываюсь? Между прочим, и сам милиционер ничего не имеет против этого. Ему тоже не с руки покинуть пост, чтобы содрать с меня злотый и пробудить наскучившее ему самому назидание.

Но я стойко жду его.

В глазах прохожих насмешливое сожаление.

Они не знают, что я не скрываюсь вовсе не потому, что я такой уж законопослушный. А потому, что регулировщик нужен мне самому.

В ожидании его я рассматриваю надписи на желтых указателях: «На Краков», «На Щецин», «На Гданьск». Странное чувство овладевает мной.

Разве можно представить себе, что в Москве на перекрестках стоят указатели с надписями: «На Ереван», «На Душанбе», «На Владивосток»?

Странное чувство... В России его не испытываешь.

Его можно назвать: чувство стены. В России стены так далеко, что их не ощущаешь. Дух безграничности, иногда даже — вселенности. А здесь стены рядом, как в небольшой комнате. Чувство камерности. И так во всей Европе. Только в портах это чувство пропадает.

Милиционер передо мной. Он хмуро оглядывает меня. Но когда я объясняю ему, зачем я здесь, он берет меня под руку и, к удивлению прохожих, с величайшей почтительностью ведет меня по мостовой.

Он подымает руку, свистит, и вся блестящая лакированная карусель застывает, как на порванной киноленте.

Он ставит меня рядом с собой.

Да, это было здесь! Тот старик в синей рубашке стоял там, где сейчас стою я.

А мимо него мчались грузовики с бойцами, самоходки, танкетки, комсоставские «эмки», броневики, полковые кухни, амфибии, бронетранспортеры, катюши.

Старик подымал руку. Повелительным жестом он останавливал машины и кричал уже хрипшим голосом:

— Кругом! Здесь мины!

Машины замедляли ход и медленно объезжали это место одна за другой по кругу, как эти щегольские

автомобили, что сейчас кружатся на Рондо Вашингтона.

Кто он был, этот старый человек с изможденным лицом? Не знаю. Может быть, следовало тогда остановиться, пожать ему руку, обнять его, может быть, накормить его?

Но нас влекла сила великого наступления. И мы мчались вперед, и через мгновение забыли о старом поляке в драной рубашке, который охранял нас от смерти.

В ГОСТЯХ У КОРОЛЯ

Старый пан в каскетке сразу распознал во мне иностранца.

Это случилось со мной впервые, и я огорчился.

Я нахожу свою гордость в том, чтобы сливаться с толпой. Я такой, как все. Я средний, я рядовой, я не отличим от других.

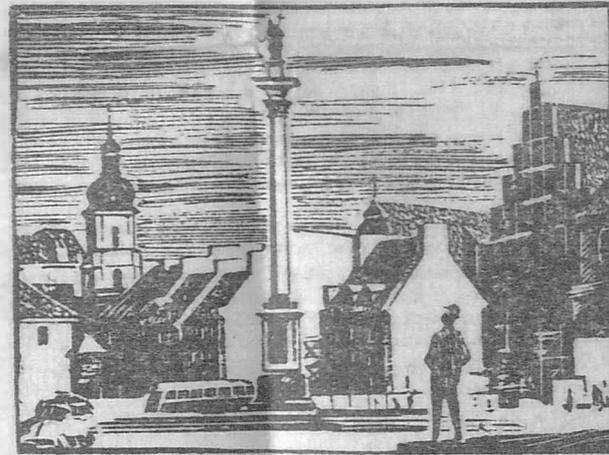
Когда поляки останавливают меня на улице и спрашивают, как пройти к универсаму «Цедет», или где костел Святого Кшижа, я испытываю глубокое удовлетворение.

А этот подслеповатый пан в старопольской каскетке разоблачил меня с первого взгляда.

И все это потому, что я уставился на короля Зигмунта.

Ну какой же, спрошу вас, варшавянин станет глазами на Зигмунта, который стоит здесь лет триста? Памятники ставят для приезжих.

Он стоит на высокой колонне, этот король-задира, с мечом и крестом. Он стоит на своей верхотуре,

слегка раскорячив ноги, в воинственной позе рубашки. И кажется, что он прыгнул сюда прямо из семнадцатого века...

— Из семнадцатого? — переспрашивает старик. — Он прыгнул сюда, проше пана, из тысяча девятьсот сорок девятого года. Идемте, я вам что-то покажу.

Мы сходим по лестнице под костелом святой Анны, пересекаем гранитную мостовую трассы Восток—Запад, выползающую дугой из-под Замковой площади, и останавливаемся у развалин Королевского замка, последние развалины Варшавы. Облагороженные, словно отужоженные, почти отжирванные, они сейчас приобрели вид почтенных руин древности, хотя все знают, что замок разрушен гитлеровскими варварами.

И тут старый пан показывает мне колонну Зигмунта, ту, настоящую, из семнадцатого века.

Она разбита, и куски ее лежат, как туши убитых животных.

— Гитлер рубал памятники, как людей, — говорит старик. — В Варшаве он не оставил ни одного памятника. Только Яна Собеского забыл или не успел.

Я вспоминаю о Копернике, который сидит перед Академией наук, осыпанный снегом, с прозрачной сферой в руке.

Старик отмахнулся:

— То реставрация.

— А Шопен в Лазенках? — восклицаю я в последней надежде.

— Копия, — безжалостно говорит старик. — И Мицкевич — тоже.

Наверх мы поднимаемся не по лестнице, а эскалатором.

У входа играет на скрипке седой инвалид. Когда мы проходим, он подымает на нас глаза, и я вижу его взгляд, усталый взгляд руины, которой уже не восстановишь.

Старик отмахнулся:

— А Шопен в Лазенках? — восклицаю я в последней надежде.

— Копия, — безжалостно говорит старик. — И Мицкевич — тоже.

Наверх мы поднимаемся не по лестнице, а эскалатором.

У входа играет на скрипке седой инвалид. Когда мы проходим, он подымает на нас глаза, и я вижу его взгляд, усталый взгляд руины, которой уже не восстановишь.

МОХНАТОЕ СЕРДЦЕ

Мы приехали слишком рано, я и старый «варшавяк» Ч.

Он уходит хлопотать о пропусках. Этот театрик так популярен в Варшаве и так мал, что попасть в него дело непростое.

Двор постепенно заполняется публикой. В воздухе полыхнул запах мажариновых корок, щебет разговоров. Голуби, розовое небо, предвкушение зрелища наполняют меня радостным покоем.

В ожидании Ч. я медленно гуляю по этому уютному квадратному, аккуратно замощенному дворику. Его обступили новые дома нарядного современного облика. Они стоят не вплоты друг к другу, а обособленно, вольно, обвеваемые отовсюду светом. Их много, они уходят далеко к горизонту.

Я замечаю вдруг в этой праздничной толпе домов острокопечный купол церкви.

Я продолжаю гулять по двору. Но прежний покой потерян. Глаза мои невольно снова и снова обращаются к куполу.

Что-то знакомое мне чудится в нем. Я уверен, что видел когда-то этот тощий, словно обглоданный конус. Когда?

Ч. возвращается, победоносно размахивая пропусками.

Я спрашиваю нетерпеливо:

— Как называется эта улица?

Он с некоторым недоумением:

— Улица генерала Сверчевского.

— А раньше как называлась?

— Когда-то здесь была улица Лашно.

Ну вот! Все объяснилось. Значит, я в Муранове. Я на территории бывшего гетто. И церковь — то знаменитое единственное здание, которое гитлеровцы оставили в целости, когда в сорок третьем году после восстания в гетто перемололи его в прах.

Теперь мне понятно, почему мы сюда, во двор, подымались с мостовой по ступенькам. Все эти новые дома стоят на щебне и на костях еврейских повстанцев.

Длинный звонок зовет нас в театр.

Эти спектакли идут над прахом. Эти комедии разыгрываются над трагедией.

Но сегодня не комедия. Сегодня — «Представление о Рудольфе Гессе, враге человечества». Сегодня трагедия над трагедией. Какое потрясающее совпадение!

Второй звонок. Настоячийый.

Мы спускаемся в погребок, где помещается СТС — Студенческий Театр Сатириков.

Нет, я не прав. Погребок старый. Ч. объясняет мне мою ошибку. Погребок уцелел, то ли потому, что немцы разрушали только то, что над землей, а не под землей. То ли потому, что погребок этот — часовня той самой церкви с конусообразным куполом. А еще раньше тут была масонская ложа. А в самое последнее время — театр лилипутов.

Мы пробираемся на свои места.

Крошечный зал. Здесь все миниатюрно — фойе, буфет, гардероб. Сцена мелкая, невысокая. Для лилипутов, может быть, ее хватало.

Велик только просцениум. Он переходит в эстраду, почти соприкасаясь с местами зрителей.

И это очень устраивает СТС. Он сам, как я вскоре убеждаюсь, стремится в зрительный зал. Он хочет слиться со зрителем. Он мечтает превратить театр в форум, спектакль — в митинг.

Пока не поднялся занавес... но что я! Здесь нет занавеса. Сцена открыта, полутемна. Никаких декораций. Только черная решетка пересекает ее. И этого оказывается достаточно, чтобы сообщить сценической площадке нечто тюремное, концлагерное, нечто зловещее.

Открытая пустая сцена ждет актеров. Пока их нет, мой спутник шепотком рассказывает мне об этом не совсем обыкновенном театре.

Его основала группа друзей. Это было одиннадцать лет назад. В истоке театра — 400 злотых и 20 энтузиастов. 400 злотых от Союза студентов. Двадцать энтузиастов — из Варшавского университета: историки и филологи полонисты и русисты. Среди них только один Ежи Маркушевский (нынешний режиссер театра) имел некоторое отношение к сцене. Бессменный композитор театра Марек Люштинг был в ту пору студентом-русистом. Один из авторов — Анджей Дравич — начинающим журналистом. Несколько позже к ним присоединились молодая поэтесса Агнешка Осецка, литератор Земовит Федецкий. Пришли студенты из театральной школы.

— А сейчас, — Ч. улыбаясь, — сейчас Студенческий Театр Сатириков — не студенческий и не сатирический. Вы понимаете, в 1954 году, когда театр начинался, его участникам было по 20—21 году. Возраст, когда хочется смеяться, балаганить. Сейчас театру уже пошел одиннадцатый годок.

— И, стало быть, он...

— А вот, представьте себе, он остался таким же молодым, как был. А искусство его выросло. Да, он уже не студенческий, но он остался театром артистической молодежи. Это театр публицистический, но на высоком художественном уровне.

— Значит, это уже не любители, а профессионалы?

— Пожалуй. Но эти профессионалы работают здесь бесплатно. И актеры, и художники, и композиторы. Имеете в виду, что некоторые из ныне известных польских актеров делали свои первые шаги вот на этой крошечной сцене.

— Вероятно, это относится и к...

— Тш-ш!.. Поговорим в антракте.

На сцене появился актер.

— А сейчас, — Ч. улыбаясь, — сейчас Студенческий Театр Сатириков — не студенческий и не сатирический. Вы понимаете, в 1954 году, когда театр начинался, его участникам было по 20—21 году. Возраст, когда хочется смеяться, балаганить. Сейчас театру уже пошел одиннадцатый годок.

— И, стало быть, он...

— А вот, представьте себе, он остался таким же молодым, как был. А искусство его выросло. Да, он уже не студенческий, но он остался театром артистической молодежи. Это театр публицистический, но на высоком художественном уровне.

— Значит, это уже не любители, а профессионалы?

— Пожалуй. Но эти профессионалы работают здесь бесплатно. И актеры, и художники, и композиторы. Имеете в виду, что некоторые из ныне известных польских актеров делали свои первые шаги вот на этой крошечной сцене.

— Вероятно, это относится и к...

— Тш-ш!.. Поговорим в антракте.

На сцене появился актер.

— А сейчас, — Ч. улыбаясь, — сейчас Студенческий Театр Сатириков — не студенческий и не сатирический. Вы понимаете, в 1954 году, когда театр начинался, его участникам было по 20—21 году. Возраст, когда хочется смеяться, балаганить. Сейчас театру уже пошел одиннадцатый годок.

— И, стало быть, он...

— А вот, представьте себе, он остался таким же молодым, как был. А искусство его выросло. Да, он уже не студенческий, но он остался театром артистической молодежи. Это театр публицистический, но на высоком художественном уровне.

— Значит, это уже не любители, а профессионалы?

— Пожалуй. Но эти профессионалы работают здесь бесплатно. И актеры, и художники, и композиторы. Имеете в виду, что некоторые из ныне известных польских актеров делали свои первые шаги вот на этой крошечной сцене.

— Вероятно, это относится и к...

— Тш-ш!.. Поговорим в антракте.

